

UDC 94(4):94(5)

WRITTEN HERITAGE OF THE MEDIEVAL ALANS

O. Bubenok

DSc (History), Professor

A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine

4, Hrushevskoho Str., Kyiv, 01001, Ukraine

helgebub@i.ua

In the Middle Ages, many peoples of Eurasia began to join the monotheistic religions, that coincided with the process of the formation of new states, where Christianity, Islam and Judaism became the dominant religions. In the new states, official languages became those that already had a written tradition. It reflected the new non-religious needs of society. In this regard, the question remains about the existence of writing among the medieval Alans. During the Middle Ages, the Alans periodically became part of the empires of Eurasia. However in the North Caucasus they founded the political union of Alania, which existed from the middle of the 10th century AD to the end of the 12th century AD. This event coincided with the spread of Byzantine Christianity among the Alans. Some researchers tend to believe that the early medieval Alans created their runic writing. But their arguments are unconvincing.

The appearance of writing among the Alans should be attributed to a later period. In the first half of the 10th century AD, the Alan Metropolis was founded in the North Caucasus. It was subordinate to the Patriarchate of Constantinople. In the middle of the 10th century AD, an independent state of Alania was created in the Central Caucasus. New realities required not only the use of the Greek language, but also the development of the local Alanian one, but already using the Greek alphabet. This fact is confirmed by some written sources of the 13th century AD. A proof of the existence of writing among the Alans is the find of the Zelenchuk inscription in Greek graphics on a tombstone. The Greek alphabet was also used to record the Alanian marginals in the pages of the Byzantine liturgical manuscript of 1275. The third monument is a Latin-script record of Jassian (Alanian) words in the Glossary compiled by a local Jass in Hungary in 1422.

However, the Greek and Latin alphabets could not fully reflect the features of the medieval Alanian language. In these texts we cannot see the additional designations for specific sounds. Therefore, we can only talk about the initial stages of the distribution of own writing among the Alans.

Thus, the example of medieval Alans can testify that in the Middle Ages the formation of a new state, the adoption of a monotheistic religion and the creation of a new written language are interconnected.

Keywords: Alans, Alanian marginals, Jassian glossary, religion, state, writing, Zelenchuk inscription

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АЛАНОВ¹

О. Б. Бубенок

В эпоху Средневековья многие народы Евразии стали приобщаться к монотеистическим религиям, что совпало с процессом образования новых государств, где

© 2020 O. Bubenok; Published by the A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The World of the Orient*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

христианство, ислам и иудаизм стали господствующими религиями. На начальных этапах процесс распространения религии был связан с распространением текстов на языке религии. Это мы хорошо видим на примере стран Западной Европы, мусульманского Востока. Что же касается стран, придерживающихся византийской версии христианства, то христианство здесь начало распространяться благодаря созданию местных письменных систем. В соответствии с динамикой данных процессов в новых государствах официальными языками становились те, которые уже имели письменную традицию. Это отражало новые потребности общества, явно уже далекие от религии: создание юридических актов, перепись населения, сбор налогов и т. п. В связи с этим открытым остается вопрос, касающийся существования письменности у средневековых аланов.

На протяжении всего Средневековья аланы то периодически входили в состав империй Евразии (Тюркского каганата, Хазарского каганата и Монгольской империи), то были независимыми, что привело к образованию на Северном Кавказе политического объединения Алания, просуществовавшего с середины X в. по конец XII в. Последнее событие совпало с распространением византийского христианства среди аланов. И было бы очень удивительно, если бы аланы представляли собой исключение и не предприняли попытку создать свою систему письменности в отмеченный период. Что же касается периода вхождения многих народов Евразии в состав империй средневековых кочевников, то вспомним известный тезис: “Пришельцы-завоеватели склонны навязывать покоренным народам свой язык”. Если эти языки были письменными, то они насаждались вместе с письменными системами.

Однако некоторые исследователи склонны считать, что раннесредневековые аланы составляли в этом отношении исключение. Так, Г. Ф. Турчанинов пытался доказать, что еще в эпоху Античности ираноязычные народы степей Евразии уже создали свою письменность. По его мнению, у средневековых аланов и их соседей существовало письмо, которое своим происхождением “оказалось связано с арамейскими, а в дальнейшем частично с древними и квадридными письменами достаточно старых форм”. Основываясь на этом, исследователь создал систему знаков-рун, при помощи которых он пытался расшифровать средневековые надписи из многих мест Хазарского каганата, в том числе из Саркела, Маяцкого городища на Дону, в Юго-Западном Крыму, на Северном Кавказе, т. е. из тех мест, где письменные и археологические источники зафиксировали присутствие аланов в раннее Средневековье. Исследователь категорически отрицал связь этих раннесредневековых эпиграфических надписей с тюркскими рунами Центральной Азии [Турчанинов 1971, 66–99].

Таким образом, со средневековыми аланами получается обратная ситуация: не завоеватели тюркского происхождения насаждали аланам свой язык, а наоборот, аланы культурно повлияли на пришельцев-тюрков и своих соседей, распространив среди них систему своей письменности. Однако у данной гипотезы имеются слабые места: во-первых, ни один из раннесредневековых письменных источников не сообщает, что аланы имели свою письменность; во-вторых, надписи весьма фрагментарны, т. е. их можно при желании прочесть на любом языке; в-третьих, у нас имеется немало свидетельств того, что древние тюрки Центральной Азии и даже хазары имели свои системы письма; в-четвертых, не хазары и тюркюты находились в политической зависимости от аланов, а наоборот, аланы были покорены ими. Спрашивается: почему в раннее средневековье в Восточной Европе начала распространяться письменность именно местного аланского происхождения, а не центральноазиатского? Поэтому данная гипотеза Г. Ф. Турчанинова не получила широкой поддержки среди исследователей.

Из их числа следует особо выделить С. А. Яценко, который считает, что ряд знаков, принятых Г. Ф. Турчаниновым за короткие надписи, представляет собой тамги – родовые знаки, уходящие действительно в эпоху господства сармато-аланских племен в степях Евразии. При этом он отметил, что в местах расселения ранне-средневековых аланов встречались не только традиционные для античных сармато-аланов знаки-тамги, но и в качестве родовых знаков были использованы руны одного из тюркских алфавитов. Это позволило ему отметить: “Обычай превращения в тамгу алфавитных знаков той или иной письменности в мировой практике документирован лишь для этносов, которые эти алфавиты не изобрели и редко ими пользовались”. Что же касается более длинных эпиграфических надписей, принятых Г. Ф. Турчаниновым за аланское письмо, то С. А. Яценко связал их с раннесредневековыми пришельцами из Центральной Азии – тюрками [Яценко 2001, 110–117].

Казалось бы, данная тема должна была быть окончательно закрыта, если бы не недавние публикации О. А. Мудрака. Исследователь считает, что в хазарское время на юге Восточной Европы позиции ирано-кавказского языкового элемента были более значительны, чем это представлялось ранее. В качестве одного из доказательств своей гипотезы в одной из своих объемных статей он приводит как раз восточноевропейские руны [Мудрак 2017, 296–416]. Каковы его аргументы?

Во-первых, исследователь использовал практически все известные образцы раннесредневековой восточноевропейской руники. Во-вторых, проведенный лингвистом анализ позволил ему все эти символы связать в единую систему письменности. В-третьих, все эти знаки, по мнению О. А. Мудрака, хорошо ложатся в фразы, которые можно читать как на осетинском, так и на некоторых других кавказских языках. Все это дало исследователю основания сделать следующие выводы: «Внутри Хазарии официальные собственные монеты и документы имеют надписи на осетинском языке, т. е. это был язык деловой документации, хотя на монетах также применялся и “интернациональный” арабский. Письменность была территориально широко распространена и использовалась для записи на осетинском и чечено-ингушском языке... Обладали навыками чтения и письма не только представители управленческой страты, но также и военные, включая офицерский и рядовой состав, мастеровые, домохозяйки. Письменностью пользовались и принявшие христианство представители “осетиноязычных” алан (наряду с греческим письмом, если учитывать Зеленчукскую стелу). На территории Аварского каганата данная письменность обслуживала только осетинский язык, а болгароязычные тюрки использовали письмо греческими буквами... Следует особо отметить, что по своим лексическим (частично фонетическим и морфологическим) особенностям язык отражает, в первую очередь, именно дигорскую норму осетинского языка...» [Мудрак 2017, 384–385].

Обратим внимание на то, что упомянутые руны представляют собой не рукописи на пергаменте или бумаге, а краткие надписи, процарапанные на предметах и стенах. Поэтому очень важны варианты перевода их содержания. Действительно, иногда встречаются варианты переводов надписей, которые вроде бы позволяют согласиться с гипотезой О. А. Мудрака об их ираноязычности. Так, надпись на одном из блоков О. А. Мудрак перевел с осетинского как “стена целая” [Мудрак 2017, 302]. Или на обратной стороне серебряного блюда, где изображены два охотника с убитым оленем, имеются руны, означающие, по мнению О. А. Мудрака, “добытый (призовой) олень” [Мудрак 2017, 333]. А надпись на горшке из Саркела исследователь предложил перевести с осетинского как “сливочное масло” [Мудрак 2017, 337]. Можно также согласиться с интерпретацией надписи на камне стены Маяцкого городища, где изображена лошадь, как “лошадь” [Мудрак 2017, 340].

Очень интересно, что руническую надпись на широко известном “Письме киевских евреев” (Киевском письме) О. А. Мудрак, подобно О. Прицаку, перевел как “следует разрешить”, но уже с осетинского, а не с тюркского [Мудрак 2017, 359]. Особо следует отметить перевод содержания надписи на камне церкви: “Дочка! Счастливо покойся в склепе” [Мудрак 2017, 379]. На этом, пожалуй, можно остановиться, потому что переводы остальных десятков рунических надписей кажутся невероятными.

Опыт исследования граффити на стенах и надписей на предметах свидетельствует, что их содержание обычно должно содержать следующие моменты: имя лица, оставившего надпись; имя хозяина предмета; послание потомкам – строительная надпись; фрагмент молитвы; предупреждение или объявление; договор или соглашение; проклятие или оскорбительные слова в адрес определенного лица; нецензурные выражения и т. п. К сожалению, в большинстве случаев мы этого не видим в текстах переводов, предложенных О. А. Мудраком. Эту сомнительность и отметили в своих комментариях его оппоненты. Так, И. И. Пейрос написал: «Алфавитный характер письма делает процедуру чтения надписей достаточно простой, а выбранные чтения приобретают “кавказский облик”. Большую часть текстов О. А. Мудрак читает по-осетински, хотя для некоторых предлагаются нахские прочтения. Такая ситуация настораживает и явно требует эксплицитного объяснения» [Пейрос 2017, 418]. А тюрколог В. В. Тишин предложил альтернативный язык прочтения большинства упомянутых рунических надписей – болгарский [Тишин 2017, 419–465].

Появление же письменности у аланов следует относить к более позднему периоду. Тогда в первой половине X в. на Северном Кавказе была учреждена Аланская митрополия, подчиненная Константинопольскому патриархату. Чуть позже, в середине X в., в Центральном Предкавказье было создано независимое государство Алания, которое просуществовало до конца XII в. Как видим, новые реалии требовали не только использование греческого языка, но и развитие местного аланского, но уже в письменной форме.

Знакомство аланов с письменностью в предмонгольское время уже подтверждают некоторые авторы. Так, в сирийской хронике XIII в. (ок. 1240 г.) “*Chronicon ad annum*” утверждается, что среди пятнадцати языков мира, имеющих буквы и письменность (в лат. пер.: *sciunt scripturam et litteras*), шесть произошли от Иафета: греки, иберы, франки, армяне, миды и аланы (*Alani*). А. Алемань считает, что в данном случае есть сомнения в точности информации, поскольку в этой же хронике германский император Конрад III Гогенштауфен назван “королем аланов” [Алемань 2003, 502; Перевалов 2016, 222].

Кроме того, Гильом Рубрук, посетивший в середине XIII в. Юг Восточной Европы, сообщает, что в степях Крыма 7 июня 1253 г., “накануне Пятидесятницы”, к ним пришли “некие Аланы, которые именуются там Аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников” [Рубрук 1957, 106]. Отметим сразу, что здесь речь не может идти о крымских аланах, ибо до этого времени европейские авторы никогда не использовали для обозначения местной этнической группы этноним “ас”. Сообщение Иосафата Барбаро (XV в.) о северопрichernоморских аланах-асах позволяет видеть в них выходцев с Северного Кавказа: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются “Ас”. Они христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, побережьях, на равнинах...» [Барбаро 1971, 138]. Как известно, в начале X в. Ибн Русте зафиксировал на Северном Кавказе группу аланов – “дхс-ас” [Минорский 1963, 221], а Константин Багрянородный в трактате “О церемониях византийского двора” упомянул правителя области Асия, которая

являлась частью северокавказской Алании [Constantinus 1829, 680; Цукерман 2005]. Добавим, что в середине X в. неизвестный еврейский автор документа Шехтера также упоминал на Северном Кавказе царя Асии, находившейся рядом с Аланией [Коковцов 1932, 117; Голб, Прицак 1997, 136–137, 140–141].

Сообщение Гильома Рубрука о “греческих письменах” аланов-асов можно трактовать двояко: либо здесь речь идет о заимствовании письменного языка, либо мы имеем дело с упоминанием о письменности аланов, основанной на буквах греческого алфавита. Последнее предположение как нельзя лучше подтверждается находкой Зеленчукской надписи.

Надгробная плита с надписью была обнаружена летом 1888 г. в бассейне р. Зеленчука на Северном Кавказе Д. М. Струковым, исследовавшим памятники античности и снявшим копию с надписи (ил. 1). Через 4 года другой антиквар, Г. И. Кулаковский, увидел ту же плиту и сфотографировал надпись. Все эти копии были отправлены В. Ф. Миллеру, который впервые опубликовал и проанализировал надпись в конце XIX в. на основании данных осетинского языка. Кроме В. Ф. Миллера, изучением надписи также занимались В. И. Абаев, Л. Згуста, Т. Т. Камболов, А. Алемань, В. А. Кузнецов и другие исследователи. Несмотря на некоторые разночтения, исследователи пришли к выводу, что первая часть надписи была выполнена на греческом языке, а вторая, более значительная часть – на средневековом осетинском (аланском). Греческая часть начинается с обращения к Иисусу Христу и Святому Николаю Чудотворцу и заканчивается формулой перспективной победы Бога над смертью. Основная же часть написана на староосетинском (аланском) языке и содержит имена мужчин (напр., Хобс, сын Сахира; Бакатар, сын Истура; Амбалан, сын Бакатара; Лак, сын Амбалана). Возможны и иные прочтения имен. Завершается надпись выражением на средневековом аланском языке: “Их стела”. Как видим, речь идет о надмогильном памятнике. Ярким свидетельством осетиноязычности надписи является неоднократное повторение слова *фурт* – “сын”. Исследователи не пришли также к единому мнению относительно времени появления надписи. Обычно дата колеблется от середины X в. по конец XII в. По наблюдениям ученых, именно в этом районе в отмеченный период существовал крупный религиозный центр Алании [Памятники алано-осетинской... 2013, 12–153].

Кроме прочтения надписи на осетинском языке, предпринимались попытки прочесть надпись по-кабардински, по-тюркски, по-нахски и по-абазински. Несостоятельность таких попыток прочтения надписи показал в своей недавней монографии “Зеленчукская надпись” А. Туаллагов [Туаллагов 2015]. В результате ни у кого не должен вызывать возражений вывод А. Туаллагова: “Научная дешифровка определила Зеленчукскую надпись как двуязычную христианскую эпитафию, составленную на византийско-греческом и аланском (иранском) языках с использованием греческой графики” [Туаллагов 2015, 313].

Отметим, что наличие лишь одной Зеленчукской надписи не может являться ярким свидетельством появления письменности у аланов. Это можно было бы объяснить какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Однако еще в 1946 г. Е. Г. Пчелина пыталась снова отыскать знаменитую плиту с надписью в верховьях Большого Зеленчука, возле пос. Верхний Архыз, но ее она не нашла, и, как она отметила в своём докладе, «вместо этого камня нашли еще два камня с греческими надписями, где встречается – “фырт”» [Пчелина 2013, 79]. А. Туаллагов в предисловии к монографии “Зеленчукская надпись”, не без оснований, также допускал, что подобных надписей в бассейне Зеленчука могло быть несколько [Туаллагов 2015, 9–10]. В связи с этим отметим, что автор данной статьи более двадцати лет назад получил информацию от известного американского византолога Игоря Шевченко, согласно которой у него имеется текст для В. И. Абаева. По его словам, это копия

эпиграфической надписи, выполненной греческими буквами на колонне, которую А. В. Суворов вывез из Кубани в 1777 г. И. Шевченко допускал, что этот текст был выполнен на староосетинском (аланском) языке. К сожалению, копию этой надписи нам так и не удалось получить.

В конце XII в. северокавказское государство Алания распалось на несколько самостоятельных политических владений. А в первой половине XIII в. Алания неоднократно подвергалась нападениям монголов. Стало быть, в этот период не было условий и необходимости для дальнейшего развития аланской письменности.

Однако имеются основания говорить о том, что и при монголах у аланов продолжала функционировать собственная письменность. Это уже подтверждает сообщение Г. Рубрука, которое относится к середине XIII в., об аланах-асах, “имеющих греческие письма” [Рубрук 1957, 106]. У католического автора конкретно не указано, на чем писали аланы. А это позволяет более широко трактовать его сообщение, из которого следует, что аланы писали не только на камне, но могли иметь записи и в книгах на родном языке.

Это предположение подтверждается находкой маргиналий на староосетинском (аланском) языке количестве 24 (из 34-х) в византийской литургической рукописи 1275 г., хранящейся в Санкт-Петербурге (БАН Q 12). Как выяснилось, эти пометки более поздние (ил. 2), чем сама рукопись, и они датируются в широком временном диапазоне от 1275 г. до 1453 г. [Lubotsky 2015]. Рукопись, на страницах которой были найдены эти записи, представляет собой греческий ветхозаветный лексикон, или профетологион, содержащий отрывки из Ветхого Завета в том порядке, в котором они читаются в течение литургического года. Как было установлено, манускрипт был переписан в 1275 г. по заказу священника по имени Хризос неким дьяконом, ответственным за чтение Священного Писания в церкви. Манускрипт мог быть составлен на любой территории в сфере влияния Византии, кроме Италии.

Предполагается, что на каком-то этапе манускриптом пользовался человек, которому было поручено чтение Писания в церкви и который достаточно хорошо владел греческим для чтения, но недостаточно бегло для того, чтобы сразу найти необходимый отрывок. С этой целью он приписал на полях сразу после полных заголовков их сокращенные варианты. При этом часть маргиналий составлена на греческом, часть – на родном языке чтеца. На основании палеографических данных заметки датируются XIV или XV вв. Предположение о староосетинском происхождении маргинальных глосс, возникшее у ряда коллег первооткрывателя документа С. Энгберг, первоначально было воспринято неоднозначно, и она разместила несколько глосс на интернет-сайте с просьбой к специалистам помочь идентифицировать их язык. Откликнулся Александр Лубоцкий, который и подтвердил, что родной язык глоссатора может быть идентифицирован как аланский [Аланские маргиналии... 2016; Engberg, Lubotsky 2003; Lubotsky 2015].

Как справедливо отметил С. М. Перевалов, “Открытие аланских глосс, числом до 30, на полях византийской профетологии 1275 г., стало приятным сюрпризом для алановедов, в особенности лингвистов, испытывающих острую нехватку сведений об изучаемом языке. Это четвертый (после Зеленчукской надписи, приветственных фраз Иоанна Цеца и Ясского глоссария) надежно установленный памятник аланского языка и третий (за вычетом фраз Цеца) памятник аланской письменности” [Перевалов 2007, 17].

Ясский глоссарий не менее интересен, чем предыдущие памятники аланской письменности, потому что он более поздний и происходит с территории, где существовали иные религиозно-культурные традиции. Список ясских слов (ил. 3) был найден в Венгрии в 1957 г. научным сотрудником Центрального будапештского

архива Антоном Некете Надем на обратной стороне документа, связанного с ведением одного из судебных дел о владениях. Список содержит около 40 слов латинским шрифтом. Как оказалось, это была часть поврежденного документа – “только левая сторона” [Немет 1960, 7]. А. Надь, считая текст тюркским, передал его известному венгерскому востоковеду Ю. Немету. Тот опубликовал текст глоссария в немецкоязычном издании в 1958 г. [Németh 1958]. Интерес к исследованию был настолько велик, что уже в 1960 г. вышел его русский перевод с комментариями, выполненными самим В. И. Абаевым [Немет 1960].

Ю. Немет датировал документ 1422 г. на основании даты судебного текста на лицевой стороне. По словам исследователя, “список представляет нечто вроде маленького разговорного справочника, содержащего формулу приветствия; названия пищи и напитков, названия предметов, нужных для приготовления и принятия пищи, и названия животных, чье мясо идет в пищу” [Немет 1960, 7]. Интересно и место составления документа: «Селение Чев (Csév), упоминаемое в документе, граничило с Ясфалу (Jászfalu) “ясским селением”, которое было разорено во время турок». Ю. Немет связывает именно этих ясов с составлением глоссария [Немет 1960, 7].

Проведенное Ю. Неметом исследование памятника позволило сделать важный вывод: “...ясский язык этого памятника недалеко отстоит от осетинского... речь идет о двух не очень разошедшихся диалектах одного языка... Можно с уверенностью утверждать, что из двух основных диалектов осетинского, иронского и дигорского, ясский примыкает к дигорскому” [Немет 1960, 13]. В. И. Абаев был полностью согласен с Ю. Неметом. При этом он сделал очень важное уточнение: “В яском, как и в осетинском, для быка и лошади имеем слова, усвоенные на Кавказе: **gal, bǎx**. Это обстоятельство очень важно. Оно говорит о том, что венгерские ясы XV века являются отпрысками не южнорусских или крымских алан, а алан северо-кавказских, в язык которых уже вошли элементы кавказского субстрата” [Абаев 1960, 23].

Однако можно ли считать Ясский глоссарий памятником письменности средневековых аланов? Все упирается в авторство документа. Необходимо знать, кто его составил – алан-яс или венгр. Поэтому большое значение имеют наблюдения над графическими особенностями памятника. Ю. Немет по этому поводу отметил: “Для обозначения яских звуков составитель применял следующие знаки: для простых гласных: a, e, i, o, u (v?); для дифтонгов: au, ay, aÿ; для согласных: b, c, ch, chs, d, f, g, h, j, k, kh, l, m, n, p, r, s, t, v (y, ÿ), z. Эта транскрипция, естественно, лишь грубым и приближенным образом передает звучание яских слов. Многие фонетические особенности языка остаются скрытыми. Возможно также, что в яском были фонемы, которые вообще не встречаются в нашем маленьком памятнике” [Немет 1960, 12]. Интерес представляет и другое наблюдение Ю. Немета: “При передаче в письме яских слов составитель обнаруживает известную уверенность – может быть даже опыт. Вряд ли это был первый случай, когда он записывал яские слова латинским шрифтом. Образцом для него служила венгерская и латинская графика того времени” [Немет 1960, 12]. Так кем же был составитель Ясского глоссария?

Ю. Немет высказал довольно убедительное предположение относительно обстоятельств появления глоссария: «Можно полагать, что комиссии, выполнявшей судебное решение, предстояло пробыть некоторое время также в яском селении – скорее всего в вышеупомянутом Ясфалу. Но было известно, что в этом яском селении говорят по-яски, и поэтому нашли целесообразным захватить с собой маленький ясский “разговорный справочник”. Для этого могли привлечь кого-нибудь грамотного яса из духовных, который и записал на оборотной стороне документа свой скромный лексический “справочник”» [Немет 1960, 7].

Что же касается лица, составившего глоссарий, то Ю. Немет высказал довольно важные наблюдения: “Человек, записавший ясские слова, не был очень искусным писцом. Его работа стоит ниже среднего уровня документов того времени, выполненных в Венгрии. В его познаниях также были пробелы. Он не всегда знает латинское название некоторых обиходных предметов и тогда вставляет вместо латинского венгерский перевод ясского слова. Латинские слова он пишет не всегда грамотно. Венгерский он, видимо, знал хорошо, хотя в орфографии испытывал трудности. Зато отлично знал он ясский язык. Здесь он допускает лишь несущественные ошибки” [Немет 1960, 8].

Одним словом, составитель глоссария был ясом, который хорошо знал ясский и венгерский языки, но плохо владел латынью. Для “духовного лица”, в котором Ю. Немет видел составителя памятника, в католической Венгрии это выглядит весьма странным. По данным Л. А. Шелмеци, ясы долгое время в Венгрии оставались греческими христианами. Поэтому в глазах местных католиков они являлись еретиками. Именно поэтому во второй трети XV в. францисканцы решили устроить повторное крещение ясов, что подтверждается письменными источниками [Selmeczi 1981, 178]. Таким образом, ясский документ был составлен накануне перехода венгерских ясов из православного христианства в католическое. А это значит, что составителем глоссария мог быть православный ясский священник из селения Ясфалу, а не кто-то из венгров. Следовательно, Ясский глоссарий можно считать памятником не только средневекового аланского языка, но и памятником аланской письменности.

В результате можно отметить, что нам известно пока три памятника средневековой аланской письменности. Два из них – Зеленчукская надпись и маргиналии на аланском языке в византийской литургической рукописи 1275 г. – выполнены при помощи греческого алфавита, и один – Ясский глоссарий – при помощи латинской графики. Обратим внимание на то, что знакомство с содержанием этих надписей вызывало разночтения даже среди тех исследователей, которые твердо были убеждены в их ираноязычности. Причину этого следует искать в том, что греческий и латинский алфавиты не могли в полной мере передавать особенности средневекового аланского языка. С подобными трудностями сталкивались в Средневековье и в других странах, где господствовали христианство и ислам. Обычно эта проблема решалась тем, что к первоначальному алфавиту добавлялись дополнительные знаки. Но в средневековых надписях на аланском языке мы этого не видим. Стало быть, мы можем говорить лишь о начальных этапах распространения собственной письменности у аланов.

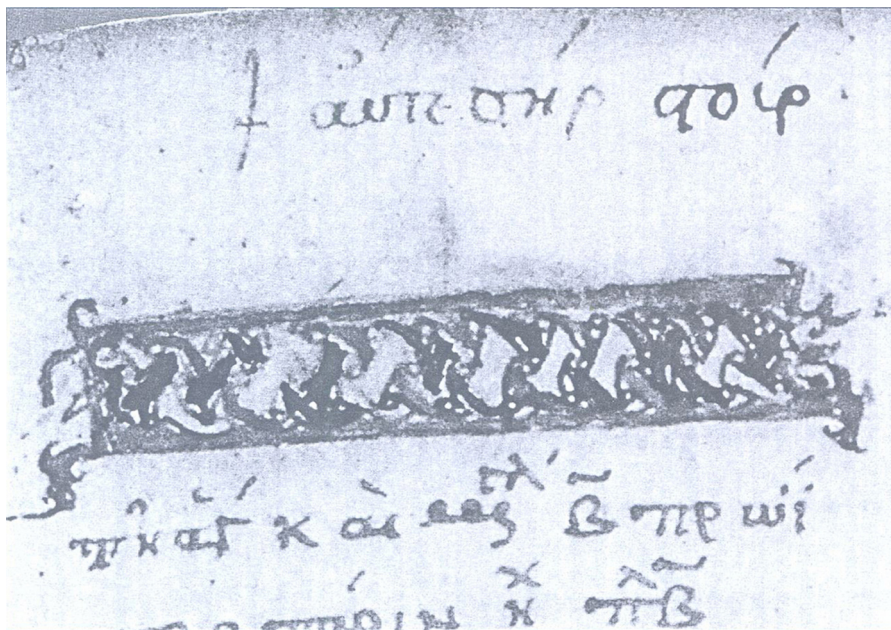
Таким образом, пример со средневековыми аланами может свидетельствовать в пользу того, что в эпоху Средневековья образование нового государства, принятие монотеистической религии и создание новой письменности представляли собой взаимосвязанные явления.

¹ Основой для настоящей статьи стал доклад “В поисках следов письменности у средневековых аланов”, подготовленный для участия в конференции “Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва. 20–22 апреля 2016 г.” [Бубенок 2016, 39–44].

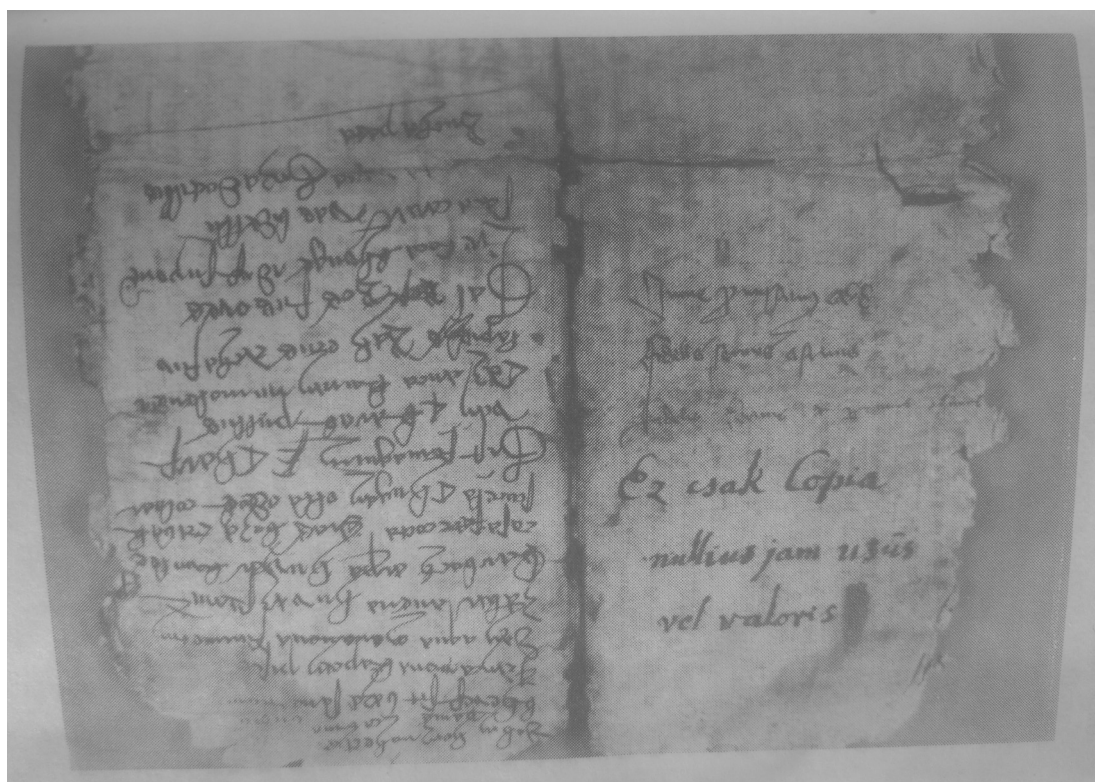
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ил. 1. Зеленчукская надпись

Ил. 2. Пометка на аланском языке в византийской литургической рукописи 1275 г.

Ил. 3. Фрагмент Ясского глоссария XV в.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Примечания // Немет Ю. *Список слов на языке ясов, венгерских алан.* Орджоникидзе, 1960.
- Аланские маргиналии к ветхозаветному тексту // *Alanica*. 14.10.2016. URL: http://www.alanica.ru/alan_marginalia/ (дата звернення: 05.03.2020).
- Алемань А. *Аланы в древних и средневековых письменных источниках.* Москва, 2003.
- Барбаро И. Путешествие в Тану // *Барбаро и Контарини о России.* Ленинград, 1971.
- Бубенок О. Б. В поисках следов письменности у средневековых аланов // *Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто.* Москва. 20–22 апреля 2016 г. Материалы конференции. Москва, 2016.
- Голб Н., Прицак О. *Хазарско-еврейские документы X века.* Москва – Иерусалим, 1997.
- Коковцов П. К. *Еврейско-хазарская переписка в X в.* Ленинград, 1932.
- Константин Багрянородный. *Об управлении империей* / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Минорский В. Ф. *История Ширвана и Дербента X–XI вв.* Москва, 1963.
- Мудрак О. А. Основной корпус восточноевропейской руники // *Хазарский альманах.* Т. 15. Москва, 2017.
- Немет Ю. *Список слов на языке ясов, венгерских алан.* Орджоникидзе, 1960.
- Памятники алано-осетинской письменности.* Владикавказ, 2013.
- Пейрос И. И. О дешифровке “хазарской” руники // *Хазарский альманах.* Т. 15. Москва, 2017.
- Перевалов С. М. Из истории открытия Петербургской рукописи БАН Q 12 с аланскими глоссами // *Вестник Владикавказского научного центра.* Т. 7. № 1. Владикавказ, 2007.
- Перевалов С. М. Письменность Кавказской Алании: языки и сферы применения // *Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто.* Москва. 20–22 апреля 2016 г. Материалы конференции. Москва, 2016.
- Пчелина Е. Г. Доклад на ученом совете Северо-Осетинского научно-исследовательского института при совете министров СО АССР. 1946 г. // *Памятники алано-осетинской письменности.* Владикавказ, 2013.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Карпини П. *История монгалов.* Рубрук Г. *Путешествие в восточные страны.* Москва – Ленинград, 1957.
- Тишин В. В. К методике прочтения памятников рунической письменности восточноевропейского ареала (на примере легенд серебряных дирхамов с руноподобными знаками) // *Хазарский альманах.* Т. 15. Москва, 2017.
- Туаллагов А. А. *Зеленчукская надпись.* Владикавказ, 2015.
- Турчанинов Г. Ф. *Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы.* Москва, 1971.
- Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // *Краткие сообщения Института археологии РАН.* Вып. 218. Москва, 2005.
- Яценко С. А. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья.* Москва, 2001.
- Constantinus Porphyrogenitus. *De ceremoniis aulae Byzantinae.* L. II. Bonnae, 1829.
- Engberg S., Lubotsky A. Alanic marginal notes in a Byzantine manuscript; a preliminary report // *Nartamongae.* The Journal of Alano-Osetic Studies; Epic, Mythology & Language. Vol. II. No. 1–2. Paris – Vladikavkaz /Dzaswydzyqasw/, 2003.
- Lubotsky A. *Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript.* Vienna, 2015.
- Németh J. Eine Wörteliste der Jassen, ungarländischen Alanen // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.* Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Nr. 4. Jahrgang, 1958.
- Selmeczi L. A. A Negyszállás jász temető // *Communicationes Archeologicse Hungariae.* Budapest, 1981.

REFERENCES

Abayev V. I. (1960), “Primechaniya”, in Nemet Yu., *Spisok slov na yazyke yasov, vengerskikh alan, Osetinskiy NII, Ordzhonikidze*, pp. 17–23. (In Russian).

“Alanskiye marginalii k vetkhozavetnomu tekstu” (2016), in *Alanica*, October 14, available at: www.alanica.ru/alan_marginalia/ (accessed March 5, 2020). (In Russian).

Aleman' A. (2003), *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh*, Menedger, Moscow. (In Russian).

Barbaro I. (1971), “Puteshestviye v Tanu”, in *Barbaro i Kontarini o Rossii*, Nauka, Leningrad, pp. 9–188. (In Russian).

Bubenok O. B. (2016), “V poiskakh sledov pis'mennosti u srednevekovykh alanov”, in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury. XXVIII chteniya pamyati chlena-korespondenta AN SSSR V. T. Pashuto. Moskva. 20–22 aprelya 2016 g. Materialy konferentsii*, Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, pp. 39–44. (In Russian).

Golb N. and Pritsak O. (1997), *Khazarsko-evreyskiye dokumenty X veka*, Gesharim, Moscow and Jerusalem. (In Russian).

Kokovtsov P. K. (1932), *Evreysko-khazarskaya perepiska v X v.*, AN SSSR, Leningrad. (In Russian).

Konstantin Bagryanorodnyy (1991), *Ob upravlenii imperiyey*, G. G. Litavrin and A. P. Novosel'tsev (Eds), Nauka, Moscow. (In Russian).

Minorskiy V. F. (1963), *Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vv.*, Izd. vost. lit., Moscow. (In Russian).

Mudrak O. A. (2017), “Osnovnoy korpus vostochnoyevropeyskoy runiki”, *Khazarskiy al'manakh*, Vol. 15, Moscow, pp. 296–416. (In Russian).

Nemet Yu. (1960), *Spisok slov na yazyke yasov, vengerskikh alan*, Osetinskiy NII, Ordzhonikidze. (In Russian).

Pamyatniki alano-osetinskoy pis'mennosti (2013), Ir, Vladikavkaz. (In Russian).

Peyros I. I. (2017), “O deshifrovke ‘khazarskoy’ runiki”, *Khazarskiy al'manakh*, Vol. 15, Moscow, pp. 417–418. (In Russian).

Perevalov S. M. (2007), “Iz istorii otkrytiya Peterburgskoy rukopisi BAN Q 12 s alanskimi glossami”, in *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, Vol. 7, No. 1, pp. 17–22. (In Russian).

Perevalov S. M. (2016), “Pis'mennost' Kavkazskoy Alanii: yazyki i sfery primeneniya”, *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. Pis'mennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury. XXVIII chteniya pamyati chlena-korespondenta AN SSSR V. T. Pashuto. Moskva. 20–22 aprelya 2016 g. Materialy konferentsii*, Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, pp. 221–226. (In Russian).

Pchelina E. G. (2013), “Doklad na uchenom sovete Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri sovete ministrov SO ASSR. 1946 g.”, in *Pamyatniki alano-osetinskoy pis'mennosti*, Ir, Vladikavkaz, pp. 79–82. (In Russian).

Rubruk G. (1957), “Puteshestviye v vostochnyye strany”, in *Karpini P., Istoriya mongalov; Rubruk G., Puteshestviye v vostochnyye strany*, Geografiz, Moscow and Leningrad, pp. 80–160. (In Russian).

Tishin V. V. (2017), “K metodike prochteniya pamyatnikov runicheskoy pis'mennosti vostochnoyevropeyskogo areala (na primere legend serebryanykh dirkhamov s runopodobnymi znakami)”, *Khazarskiy al'manakh*, Vol. 15, Moscow, pp. 419–465. (In Russian).

Tuallagov A. A. (2015), *Zelenchukskaya nadpis'*, SOIGSI VNTS RAN, Vladikavkaz. (In Russian).

Turchaninov G. F. (1971), *Pamyatniki pis'ma i yazyka narodov Kavkaza i Vostochnoy Evropy*, Nauka, Moscow. (In Russian).

Tsukerman K. (2005), “Alany i asy v rannem srednevekov'ye”, in *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, Issue 218, Moscow, pp. 65–84. (In Russian).

Yatsenko S. A. (2001), *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya*, Vostochnaya literatura, Moscow. (In Russian).

Constantinus Porphyrogenitus (1829), *De ceremoniis aulae Byzantinae*, L. II. Bonnae, pp. 300–705.

Engberg S. and Lubotsky A. (2003), “Alanic marginal notes in a Byzantine manuscript; a preliminary report”, *Nartamongae, The Journal of Alano-Ossetic Studies; Epic, Mythology & Language*, Vol. II, No. 1–2, pp. 41–46.

Lubotsky A. (2015), *Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript*, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Vienna.

Németh J. (1958), "Eine Wörteliste der Jassen, der ungarländischen Alanen", *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*, Nr. 4, Jahrgang, s. 1–36.

Selmeczi L. A. (1981), "A Negyszállás jáász temető", *Communicationes Archeologicae Hungariae*, Akademiai Kiado, Budapest, old. 165–178.

О. Б. Бубенок

Пам'ятники писемності середньовічних аланів

Досі залишається відкритим питання, що стосується існування писемності в середньовічних аланів. Деякі дослідники схильні вважати, що ранньосередньовічні алани вже створили свою рунічну писемність. Але їхні аргументи не витримують критики. Появу ж писемності в аланів слід відносити до X ст. Тоді на Північному Кавказі було засновано Аланську митрополію і створено державу Аланія. Нові реалії потребували не тільки використання грецької мови, а й розвитку місцевої аланської, але вже в письмовій формі. Наявність писемності в аланів підтверджують деякі письмові джерела XIII ст. Яскравим доказом цього є виконані грецької графікою Зеленчуцький напис та аланські маргіналії на сторінках візантійського літургійного рукопису 1275 р. Третій пам'ятник було виконано латинською графікою – це Яський глосарій 1422 р. з Угорщини. Однак грецький та латинський алфавіти не могли повною мірою передавати особливості середньовічної аланської мови. У зазначених текстах до первісного алфавіту не були додані додаткові знаки. Тому ми можемо говорити лише про початкові етапи поширення власної писемності в аланів.

Ключові слова: алани, аланські маргіналії, держава, Зеленчуцький напис, писемність, релігія, Яський глосарій

О. Б. Бубенок

Памятники письменности средневековых аланов

До сих пор остается открытым вопрос, касающийся существования письменности у средневековых аланов. Некоторые исследователи склонны считать, что раннесредневековые аланы уже создали свою руническую письменность. Но их аргументы не выдерживают критики. Появление же письменности у аланов следует относить к X в. Тогда на Северном Кавказе была учреждена Аланская митрополия и было создано государство Алания. Новые реалии требовали не только использования греческого языка, но и развития местного аланского, но уже в письменной форме. Наличие письменности у аланов подтверждают некоторые письменные источники XIII в. Ярким доказательством этого являются выполненные греческой графикой Зеленчукская надпись и аланские маргиналии на страницах византийской литургической рукописи 1275 г. Третий памятник выполнен латинской графикой – это Яский глосарий 1422 г. из Венгрии. Однако греческий и латинский алфавиты не могли в полной мере передавать особенности средневекового аланского языка. В отмеченных текстах к первоначальному алфавиту не были добавлены дополнительные знаки. Поэтому мы можем говорить лишь о начальных этапах распространения собственной письменности у аланов.

Ключевые слова: аланы, аланские маргиналии, государство, Зеленчукская надпись, письменность, религия, Яский глосарий

Стаття надійшла до редакції 2.04.2020